

Лит. Россия —
1995. — 26 мая —
С. 4-5

К 90-ЛЕТИЮ М. А. ШОЛОХОВА

В «Походной книжке казака» при содействии председателя комитета Законодательного собрания Краснодарского края В.Н. Дьяконова к 90-летию со дня рождения великого русского писателя М.А. Шолохова вышел сборник «Наш Шолохов» (составители Виктор и Владимир Левченко). Предлагаем некоторые материалы из этой книги.

Д. ВОРОТЫНСКИЙ БЛИЗКОЕ — ДАЛЕКОЕ

Род Шолоховых — старый купеческий род. Братья Шолоховы имели в станице Вешенской огромный кирпичный дом, низ которого был занят лавкой. Торговали Шолоховы красным товаром, и поэтому на Дону исстари купцов, торговавших мануфактурой, называли краснорядцами.

Еще в довоенное время торговые дела Шолоховых пошатнулись, они обанкротились, а кирпичный дом пошел с торгов, и его приобрели тоже богатые купцы Хренниковы.

Отсюда начался развал Шолоховых, и они разбрелись по хуторам станицы Вешенской.

Один из сыновей братьев Шолоховых Александр Петрович¹ обосновался на х. Кружилинском Вешенской станицы, где и занялся мелочной торговлей. Он был многосемейным, как и вообще казаки на Дону, и в этой небогатой семье и родился сын Михаил. Александр Петрович хотел, по-видимому, дать Михаилу образование, но жизненные условия пресекли благие пожелания отца. Михаил окончил четыре класса гимназии в Богучаре Воронежской губ., и на этом образование оборвалось.

¹ Автор воспоминаний, видимо, запечатлел, что отца Михаила Александровича Шолохова звали Александром Михайловичем. — Здесь и далее примечания составителей.

Владимир МИХАЙЛОВ Вячеслав БОНДАРЕНКО ЕСАУЛ СЕНИН (Из архивов КГБ)

«Великий художник, о чем бы он ни писал и как бы ни старался угодить современникам, всегда исторически точен».

Эта когда-то на лекции по истории литературы услышанная фраза невольно всплыла в память при знакомстве с «Делом» контрреволюционной организации, действовавшей на Верхнем Дону в конце 20-х годов.

Чем больше вникаешь в протоколы допросов «контрреволюционеров», их родственников, в бесхитростные и бесстрашные ответы, тем глубже оказываешься в мире героев «Поднятой целины»! Перед следователем проходили живые шолоховские островники и лапшиновы, майданниковы и борщевы, нагульновы и хопровы... И главный герой следствия... Половцев.

«Ккка-ккой народ! Подлецы! Дураки, богом проклятые!.. Они не понимают, что эта статья — гнусный обман, ма-невр, и они верят... как дети. О! Гнусь земляная! Их, дураков, большой политики ради водят, как сомка на удочке, подруги им отпускают, чтоб до смерти не задушить, а они все это за чистую монету принимают... Поймут и пожалеют, да поздно будет».

Так, в порыве гнева, говорил о своих земляках есаул Половцев. Так, по сути, говорил на следствии и главный обвиняемый, бывший есаул царской, а затем белой армии, кавалер трех орденов Св. Анны и двух Св. Станислава, участник многих сражений с германскими, а затем красноармейскими войсками Александр Сенин — сложная и горькая судьба которого не без оснований дала возможность некоторым

дальнейшие сведения о жизни Михаила Александровича Шолохова неизвестны, включительно до 1921 г.

С 1921 по 1923 г. М.А. Шолохов работал в Исполкоме станицы Каргинской делопроизводителем и продовольственным инспектором². В 1923 г. он уехал в Москву и там работал где-то в качестве чернорабочего.

С 1923 г. в ежедневной прессе стали печататься небольшие рассказы Шолохова из жизни донских казаков, которые вскоре и вышли отдельной книжкой «Донские рассказы».

Так начался литературный путь М.А. Шолохова. Славу же ему дал знаменитый роман «Тихий Дон».

К прискорбию, около двух лет тому назад некий литер. критик в одной русской газете «уличал» Шолохова чуть ли не в литературном плагиате, что-де рукопись первой части романа «Тихий Дон» во время великого исхода из родной земли была утеряна неизвестным автором и ею какими-то путями и воспользовался М.А. Шолохов. Отсюда был сделан вывод, что первая часть «Тихого Дона» написана блестяще, а последующие части посредственно, ибо их писал уже сам Шолохов.

Мне бы хотелось разъяснить «мнимую легенду», брошенную в эмигрантскую толпу этим критиком. Во время нашего великого исхода из России на Дону было два крупных казачьих писателя: Ф.Д. Крюков и Р.П. Кумов. Первый умер, отступая с донской армией, на Кубани, второй умер в Новочеркасске С.Ф.Д. Крюковым я был связан многолетней дружбой, я был посвящен в планы его замыслов и если некоторые приписывают ему «потерию» начала «Тихого Дона», то я достоверно знаю, что такого романа он никогда и не мыслил писать. Что касается Р.П. Кумова, которого тоже влутывают в эту легенду, то и Кумов такого романа писать не собирался. Есть у Кумова незаконченный роман «Пирамиды» тоже из жизни донских казаков, но он не опубликован и рукопись хранится в Берлине по сие время. Из мелких донских писателей (подчеркиваю, донских, ибо надо знать красоты казачьей разговорной речи) такой рукописи, конечно, ни у кого не имелось...

«Станица», Париж, № 20, 1936г.

² На самом деле после окончания Ростовских курсов М.А. Шолохов был направлен проинспектором в станицу Букановскую.

шолоховцам назвать его прототипом одного из героев «Поднятой целины».

Впрочем, фамилия Сенин и самим Шолоховым упоминается трижды. В романе «Тихий Дон» читатели, верно, помнят сцену казни отряда Подтелкова и Кривошлыкова.

«Что же мы с ними сделаем, господа старики? — повторял Попов вопрос.

Наклонясь, он что-то шепнул Сенину. Тот утвердительно, поспешно кивнул головой. У Попова глаза сузились, стерлись в углах глаз веселые лучики, и глаза иные, блестящие похолодевшим суровым блеском, чуть прикрылись негустыми ресницами.

— Что же мы сделаем с теми предателями родного края, которые шли грабить наши курени и уничтожать казачество?

- Пострелять!
- К смертной казни!
- Казнить всех при народе!
- К смерти их!

— ...Каледин на том свете спасибо нам скажет, — молодо улыбнулся Сенин...»

И коллегия ОГПУ, приговорившая 13 ноября 1930 года Сенина к расстрелу, тоже отмечала, что «в апреле 1918 года ряд казачьих хуторов и станиц района принимал участие в окружении и ликвидации красногвардейского отряда Кривошлыкова и Подтелкова. Здесь же Сенин принимал активное участие в суде над Подтелковым и Кривошлыковым в качестве секретаря военно-полевого суда, а также командовал группой расстрела».

Был среди палачей... Но вовсе не в оправдание Сенина (любой участник гражданской, с какой бы стороны тогда ни стрелял, в этом нынче не нуждается) вспоминаем мы и факты похожей расправы красноармейцев в захваченных ими станицах и хуторах.

«Янычарами царской фамилии» именовал казаков не только С.И. Сырцов, бывший в то время председателем Донбюро РКП(б), но и многие руководители Октября. Поэтому понят-

но, как и войскам своим приказывали относиться к казачеству.

«...В ст. Каргинской забрали 1000 девушек для рытья окопов. Все девушки были изнасилованы и, когда оставшие казаки подходили к станице, выгнаны вперед окопов и расстреляны».

И таких подробностей поведения «красных» немало. Увы, стреляли друг в друга русские люди, видели брат в брате и друг в друге врагов. А русские умеют воевать. И жестокими тоже могут быть.

Сенин был русский. И воевал. И был жестоким врагом победивших красных. Не мог смириться с их победой. На следствии он говорил об этом четко и определенно:

«Я не согласен с принудительной административной коллективизацией крестьянских хозяйств, особенно не согласен с перепрывиванием от сельхозартелей непосредственно к коммуне, как то имело место в ряде случаев при проведении сплошной коллективизации. Я являюсь сторонником развития индивидуального хозяйства, представления полной инициативы и свободы хозяйственной деятельности хлеборобу. Я не являюсь монархистом, а являюсь сторонником демократического образа правления, государства».

Когда проводилась сплошная коллективизация, я был согласен с установкой правой оппозиции, целиком и полностью разделяя их точку зрения на развязывание капиталистических элементов в деревне. Вполне понятно, что я не был ни в коей мере согласен с ликвидацией кулака как класса, считая, что кулака нужно ограничить, но ликвидировать не следует, ибо это приведет к упадку сельского хозяйства и разорит вконец хлебороба. По моему мнению, кулак приносит пользу, продавая государству свой хлеб».

Как видим, это был умный и дальновидный человек. Умнее и дальновиднее, как мы это понимаем сегодня,

своих победителей и судей, которые и более полувека спустя гордились, что «к октябрю — ноябрю 1929 года 10 тысяч крестьянских хозяйств объединились в колхозы. Вешенский район одним из первых в Северо-Кавказском крае, а в Донецком округе первым стал районом сплошной коллективизации» (И. Бондаренко. «Правда народной жизни»). Это писал человек, знавший, что в результате таких «успехов» Россия шла к страшному голоду 1933 года. Сенин предвидел это в 1930-м.

Объединились... Коварное слово, заменившее сталинское «добровольно вступили». Ибо теперь-то мы знаем, что ни о какой добровольности речи не было. ОГПУ тогда же доносило, что за время коллективизации на Дону «выслано кулацких хозяйств 16522 на 71619 человек, переселено хозяйств — 5682 численностью 26340 человек, арестовано — 69320 человек». «Переселяли» отнюдь не добровольно. Только за два года — 30 и 31-й: «ликвидировано банд — 157, контрреволюционных группировок — 2306, к.р. организаций — 208». Оставим на совести тогдашнего ЧК известную долю преувеличения угрозы, а значит, и собственной значимости. Но массовое сопротивление коллективизации очевидно.

Конечно, были и теракты. Но в целом сопротивление уже было на излете — пассивное, на уровне поджогов, яростного битья окон или мордобоя, порой сходки, митинги и очень редко — вооруженного выступления. Яркий тому пример находим в сводке ОГПУ: «27 марта по станице Старочеркасской прошла толпа против колхозников в количестве 1000 человек, которая несла лозунги «Долой колхозы», «Долой советскую власть», «Да здравствует царь-освободитель...». Оружия у толпы обнаружено не было. При появлении милиции она разошлась. Но происшествие квалифицируется как очень контрреволюционное. На этот

СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

счет есть и у Шолохова слова в «Поднятой целине»: «Обеднял Дон истинными казаками, разбогател сволочью».

Да, не приняло казачество колхозы. Но, обескровленное гражданской, «расказачиванием», негоднократными массовыми чистками, оно устало воевать уже с кем бы то ни было и очень хотело поверить просто в надежду на лучшее.

Шолохов в «Поднятой целине» показал это прекрасно. Только под явно неприкрытой угрозой сносили бедняки свой скарб в артель. Сколько сил требуется от Давыдова, чтобы сдерживать тот же бабий бунт. Половцев готовит восстание. Но стоило появиться статье «Головокружение от успехов», насквозь лживой, лицемерной, загодя обманной, как казаки с видимым облегчением отложили в сторону виды на решительное выступление. Помните, вспомните строки этой, как нам твердили, глянцевой образцовой «хрестоматии» колхозного движения:

«Ну, теперь ползут колхозы по швам, как прелая одежда, — первым высказал догадку торжествующий Банник.

— Навоз уплывет, а что потяжелее — останется, — возражал ему Демка Ушаков.

— Гляди, как бы навыворот, наоборот не получилось, — ехидствовал Банник и спешил уйти, чтобы в другом месте шепнуть людям, которые понадежнее: «Бузуй, выписывайся из колхозу, покада свободу крепостным объявили...»

...Бабы, многое недопонимавшие, по своему бабьему обыкновению занялись догадками и выгадками. И пошло по хутору:

— Распущаются колхозы.

— Коров — приказано из Москвы — вернуть.

— Кулаков возвертают и записывают по колхозам.

— Голоса отдают энтим, у каких потняли.

— Церкву на Тубянском открывают, а семенной хлеб, какой в ней был ссыпанный, раздают на прокорм».

...Всего-то — несколько строк, а какой крик истрадавшего народа вместили!

Люди хотели мира! Люди хотели жить!

Но за эти простые желания они не хотели больше воевать и не было у них на то сил. Была одна надежда — на приказ из Москвы.

В отличие от Москвы есаул Сенин понять этого не смог.

«Увидел именно данное время для начала восстания; недовольство на почве коллективизации, обобществления имущества, раскулачивания достигло высшей точки, именно сейчас казачество и мужики готовы пойти на вооруженную борьбу с Советской властью, и нужно не упустить этого момента», — говорил он в своих показаниях. Все-то в его рассуждениях было правильно. Ибо даже в обвинительном заключении по делу есть невольное признание: «Лица, с коими связывался Сенин и другие члены организации, давая оценку настроения населения тех или иных населенных пунктов, указывали на наличие сплошного недовольства основной массы казачества, крестьянства, городского населения существующей властью и ее политикой...»

Только напрасно есаул облетал конно ночами станицу за станицей, поднимая их на вооруженное выступление и перенося его со дня на день. Ему давали кров и пищу, охотно говорили о «лютовании» красных, но реальной организации создать он так и не смог. Из допросов и очных ставок видно, что он все время оставался фактически единственным борцом с существующим режимом. Многие были противниками, но не борцами. «Устали от крови люди» — не зряшная фраза в одном из показаний. Немаловажная деталь: во время «ликвидации» орга-

низации, которой фактически не было, ибо не оказалось устава или любого другого документа, подтверждающего ее существование, имели место лишь вредные разговоры и намерения, а из оружия изъяли: «револьвер — 1, шашек — 1, берданок — 2, охотничьих ружей — 2. Итого — 6 единиц». И с этим оружием Сенин, если верить следствию, хотел идти на штурм советской власти?

Черт его знает, и пошел бы... Чего не может русский человек...

А вы помните самые последние страницы «Поднятой целины»? Половцев арестован. «Он говорил спокойно и рассудительно, обращаясь к чекисту с седыми висками:

— Чем же ты, наивный человек, думаешь меня запугать? Пытками? Не выйдет, я ко всему готов и все вытерплю, да и пытать меня нет смысла, потому что, не таясь и ничуть не лукавя, расскажу все. Даю честное слово офицера. Два раза меня не убьешь, а к смерти я уже давно готов. Мы проиграли, и жизнь для меня стала бессмыслицей. Это не для красного словца — я не позер и не фат, — это горькая для всех нас правда. Прежде всего долг чести: проиграл — плати, и я готов оплатить проигрыш своей жизнью. Ей-богу, не страшно».

На следствии Сенин действительно сказал все, назвал всех, откровенно, нисколько не забываясь о последствиях, высказал свои взгляды.

По делу в качестве обвиняемых привлечалось 98 человек. Восемь, в том числе Сенин, были расстреляны. Шестидесяти приговорены к различным срокам концлагерей. «Так, — пишет Шолохов, — закончилась эта отчаянная, заранее обреченная история на провал попытка контрреволюции поднять восстание против Советской власти на Юге страны».

Вдумаемся. «Заранее обреченная... попытка... восстания...» А ведь абсолютно верная оценка, с какой бы стороны на это дело ни смотреть. Такова она не только потому, что продиктована временем создания романа. Тогда, конечно же, она и не могла быть иной. Но она верна и сегодня. Потому, а это мы теперь слишком хорошо знаем, увы, на собственном опыте, что попытка разрешать конфликты между людьми одной страны силой оружия заранее обречена. В таком споре нет победителей. Спор между Кошевым и Мелеховым, Давыдовым и Половцевым обязательно был кровавым. В той далекой гражданской победили кошевые и давыдовы. Что из этого получилось, мы знаем. А если бы победили Мелеховы¹ и Половцевы? Свою правду, завоеванную кровью, они потом не утверждали бы той же кровью?

Эти горькие вопросы невольно задаешь себе, читая «Дело Сенина», вникая в его взгляды на обустройство крестьянского вопроса, такие близкие сегодняшним государственным указам...

Закрыв папку, мы перечитывали «Поднятую целину». И вдруг заметили, что литературный образ Половцева — фигура более реальная, более человеческая, полнокровная и страдательная, чем образы тех, кто был когда-то героями наших школьных сочинений.

Он предвидел наше знакомство или «просто» писал правду жизни, несмотря ни на что?

¹ Шолохов в «Тихом Доне» предполагает для Григория Мелехова, однако, иной выбор: «...Кабы можно было в Татарский ни белых, ни красных не пустить — лучше было бы. По мне они одной цены — что, скажем, свояк мой Митька Коршунов, что Михаил Кошевой». Так что, вероятно, более уместно было бы вместо Мелеховых говорить о Коршуновых.

Сергей НЕБОЛЬСИН

ОТВЕТ НА АНКЕТУ

1. КОГДА ВПЕРВЫЕ УЗНАЛИ О ШОЛОХОВЕ? КАК ЭТО БЫЛО? ЧТО ЗНАЧИЛО ДЛЯ ВАС?

— Моя мать была дочерью казака-офицера с хутора Рыбного, ветерана 1914 — 1918 годов. Во время войны, в сибирской деревне, она рассказывала о каком-то «наполовину русском» казаке, имевшем четырех Георгиев и дослужившемся до полковника в гражданскую.

Сейчас я думаю, это был Мелехов, а дело в том, что это Алексей Толстой тогда говорил, будто «на нынешней войне Григорий Мелехов немислим», — и мать отвечала ему. «Тихий Дон» — как книгу я увидел на Пресне в комнате соседей в 1948 году.

2. В КАМ СИЛЬНЫЕ И СЛАБЫЕ СТОРОНЫ КАЗАЧЕСТВА?

— «Главное, головы берегите. Ими ишшо думать», — наставлял Григорий своих соратников по гражданской, когда друзья и братья расставались. То же чи-

таем и у Пушкина: «Эй, казак! Не рвися к бою: делибаш на всем скаку срежет саблею кривою с плеч удалую башку... Мчатся, сшиблись в общем крике (казак и «красный делибаш»). Посмотрите, каковы: делибаш уже на пике, а казак без головы». И Пушкин, и Шолохов понимали слабости казачества верно. Сильные стороны — братство, преданность общему делу, высокая поголовная культура (песни уровнем не ниже Глики — один из примеров), поразительная выносливость и дар путепроходцев.

3. ВЗАИМООТНОШЕНИЯ КАЗАЧЬЕГО НАСЕЛЕНИЯ С ПРИШЛЫМИ, С ГОРЦАМИ. КАК БУДЕТ В ДАЛЬНЕЙШЕМ?

— Пришлое население должно у казаков учиться; казакам полезно мирно терпеть тех, кто им не до конца родственен, но обязательно хранить и держать высоту своего уровня. С горцами — старый обычай куначества; только нынешний век требует понимать, что у нас с нашими кунаками — общий враг (он нас одинаково не любит и хочет сделать рабами).

4. ШОЛОХОВ ОСТАНЕТСЯ ИЛИ НЕТ?

— Останется. Кто показал русского человека и русское сообщество в более богатом, глубоком, светлом виде.

А. ТЕР-МАРКАРЬЯН ПРЕКРАСНЫЕ ЛИКИ

Хозяин дома встречал у распахнутой калитки в ладном кожаном пуловере, перекатывая «беломорину» во рту. Невысокого роста, крепко сбитый, ощупывая зорким взглядом вошедших, пригласил жестом:

— Проходите, пожалуйста! И мы, деликатно отставая на шаг, потянулись цепочкой к осыпанному солнцем двухэтажному особняку.

Разместившись удобно на открытой веранде, впитывали каждое слово, сказанное приглушенным, как родничок, голосом. Говорил Шолохов! А я, постеснявшись близости с живым классиком, незаметно отодвинул плетеное кресло, любовался знакомым по школьным учебникам лицом с гордым орлиным профилем. Михаил Александрович в то незабываемое сентябрьское утро, когда в синих небесах сбивались журавливые стаи в косяки и ставили молодяк «на крыло», был явно доволен и настроен лирически.

Секретарь писателя Петр Чукарин еще в гостинице предупредил, что нежелательно затевать литературные споры, так как Шолохов весь в работе и это может его расслабить. Но земляк и друг детства по одной улице в станице Каргинской писатель Михаил Никулин все-таки не удержался и бесстрашно спросил: «Как пишется, Михаил Александрович?»

— Хорошо! Сегодня поставил точку в романе «Они сражались за Родину». И задумался, затаившись папироской. Образовалась пауза, которой решили воспользоваться гости.

— Можно, наш молодой поэт прочитает стихи?

Честно говоря, я замер, окаменел, но, слава Богу, выручил сам Шолохов.

— Завтра, когда поедите по хозяйству, познакомьтесь с народом и вас примут в казаки.

Хорошо зная этот ритуал, бывший редактор миллеровской газеты Григорий Тягленко, беззаветно влюбленный в дон-

ского Гомера, серьезно перепугавшись, выпалил:

— Михаил Александрович, я же бросил пить!

— Эх, Гриша, Гриша, за тобой после смерти будет гоняться пустая бочка! — лукаво улыбаясь, пошутил Шолохов. И добавил: — Нет, с таким атаманом я бы не отравился в командировку.

Все дружно рассмеялись. Сознаюсь: в станице Терновской в казаки приняли меня одного. Конечно, после щедрого застолья я целую неделю ходил пошатываясь. Зато горжусь и теперь званием «донской казак».

Полуторачасовой разговор состоялся и затрагивал разные темы. Михаила Александровича в тот день волновала перспектива развития Вешенской, в связи с открытием геологами целебных источников. Кстати, через несколько лет благодаря настойчивым хлопотам депутата Шолохова был построен лечебный санаторий, ставший всеобщим. Говорил он и о разведении мериносовых овец, увиденных им в Казахстане, которые неприхотливы в условиях скудного разнотравья на северном Дону, но дающих много мяса и шерсти. Ненавязчиво затрагивались и дела литературные. Добрым словом упомянул Анатолия Калинина, назвав «младшим братом».

Казалось, что время остановилось и не будет конца нашей беседе. Я впервые находился среди именитых. Большинство сидящих писателей были старше Шолохова лет на десять, но выглядели моложе его, еще не достигшего шестидесяти лет. Чувствовалось, он отдавал все силы творчеству, поэтому «горел»...

Телефонный звонок из Кремля прервал наше общение. Шолохов срочно улетел в Москву.

Сейчас, вглядываясь в снимок, думаю: «Несовершенна природа, созданная Всевышним. Бог отпускает нам земное существование поровну. Гениям он мог бы и прибавить. Тогда все стремились бы к бессмертию!»...

И теперь через годы этот снимок позволяет воссоздать и то ослепительное утро, и лики прекрасных русских людей — моих первых наставников, с которыми никогда уже не увижусь на счастливых и горестных дорогах жизни.

КОНФЕРЕНЦИЯ В ИМЛИ

В Институте мировой литературы состоялась научная конференция, посвященная девяностолетию М.А. Шолохова. Кроме исследователей творчества великого писателя в конференции приняли участие известные общественные деятели В. Варенников, А. Стерлигов и другие. Конференцию открыл проректор института Е. Лебедев. Выступавшие отметили непреходящее значение творчества М.А. Шолохова и дали резкую отповедь клеветническим наветам завистников гения.

Запомнились проникновенное и взвешенное выступление генерала Варенникова, страстное и решительное казацкое слово М. Болдырева. На конференции было рассказано о напряженной работе по подготовке к изданию полного академического издания собрания сочинений Михаила Александровича. Имя М.А. Шолохова навечно вписано в первый ряд классиков русской литературы, и никто не в состоянии отменить этот свершившийся исторический факт.

Наш корр.

На снимке: М. Шолохов, А. Тер-Маркарьян, М. Никулин, Г. Тягленко.

Фото В. ЧУМАКОВА